

Актер об актере

О ЦЕННОСТЯХ ИСТИННЫХ

К 80-летию со дня рождения Б. Бабочкина

ГОВОРЯТ, что актеры, мечтающие о самых высоких достижениях или размышляющие об угрозе ролей, которые играет тот или иной известный актер, как бы определили для себя такую высшую точку отсчета — бабочкинский Чапаев.

Слитность характера человека, актера и образа... Частенько видишь, как актер и образ находят на разных берегах друг от друга. И только в редчайших, звездных взлетах актерского существования происходит даже не слияние, а какой-то переплав из актера и роли и создается некий другой металл. Чапаев и Бабочкин — это не просто Чапаев и не просто Бабочкин, а нечто иное. Я бы сказал, что это новый металл в «таблице актерских элементов».

Роль, подобная Чапаеву, так же редка и так же велика, как «Сикстинская мадонна», ее ни с чем сравнивать невозможно, и тем не менее актер продолжает жить, а Борис Бабочкин сыграл Чапаева еще будучи молодым человеком. Я не историк, всех работ Бориса Андреевича я не знаю, но думаю, что какое-то время он действительно не мог оторваться от мощного магнитного поля этого образа. Слишком, однако, крупная фигура в истории советского театра и кино Борис Андреевич Бабочкин, чтобы остаться актером одной, даже великой роли.

Творческие периоды в жизни Бориса Андреевича бывали, вероятно, всякие. Были взлеты, были тупики и были надежды — все, как у любого другого истинного художника. Я видел далеко не все его картины, а тем более не мог видеть спектакли в Большом драматическом или в Вахтанговском театре, где работал Борис Андреевич, и его начальный период в Малом театре я не знаю, а потому не берусь судить об этом. Я сужу о том последнем периоде, который я в какой-то мере, подчеркиваю, в какой-то мере застал, увидел, удивился, восхитился и вот сейчас стараюсь разобраться, чем же все это было для меня лично.

Я поражаюсь той работоспособности, с какой в последние годы жизни он работал и в театре, и на телевидении. Его телевизионные работы были редкими по смелости и точности трактовок, спорными, но предельно ясными и бесконечно своеобразными, в чем-то именно бабочкинскими. Он был художником настойчивым, не сомневающимся в предложенном решении и не колеблющимся в исполнении, будь это монологи из «Маленьких трагедий» или, скажем, «Скучная история» — поразительно, но актерскому мастерству, что глубже и шире, в ней жизни.

Вероятно, телевидение требует какой-то своей, особой интонации. Ты как быходишь в комнату к людям и беседуешь с ними. Мне кажется, что Борис Андреевич стал это видеть и чувствовать, недаром его так тянуло к телевидению, и его последние телевизионные работы, по-серьезному национальные и по-серьезному мастерские, были прожиты и глубоки.

И, наконец, одна из его последних работ с партнером, тоже редким, Петром Константиновым — «Плотничьи рассказы» В. Белова.

Я нечасто смотрю телевизионные передачи. Но как-то я узнал, что повторяются «Плотничьи рассказы», и стал смотреть. А в это время пришла дочь и переключила на другой канал, где шел один из известных сегодняшних фильмов, громких и многолюдных. И я вдруг почувствовал, какие это полюса искусства. На одном — искусство не доказательное, а только фиксирующее те или иные яв-

ления жизни, — напрямки громко, с ложным пафосом, я бы сказал, без затраты сил, кроме сил голосовых. И рядом — тончайшее кружево мастерства, где за простыми вещами, казалось бы, негромкими, а простыми — баня, сруб, рассказ о коллективизации или о чем-то другом, — вдруг вставал целый социальный пласт.

Борис Андреевич играл без грима, без всяких хитростей и приспособлений, картина вообще снята очень просто, прямо и традиционно, но за всем этим вставала личность огромной силы. Этот самый Олеша, которого играл Борис Андреевич, был человек большой доброты, большой души, большой человечности и сердечности, и — большого благородства. У этого человека были вещи, через которые он не мог переступить, у него, как у рыцаря, были те достоинства, которые он не мог потерять. Борис Андреевич показал: можно быть плотником и быть благороднейшим человеком. Вот такую могучую и прекрасную, доступную и простую, русскую и ни на что другое не похожую фигуру создал Бабочкин...

Мне думается, что работа Бабочкина в «Плотничьих рассказах» — хрестоматийная, классическая, и я лично показывал бы ее в институтах кино и театра как учебное пособие. Можно сколько угодно говорить о величии профессии и о прочих наших делах, но не лучше ли вместо этого показывать некоторые неумирающие работы, показывать уровень класса и мастерства.

Недавно я прочел записки о своей жизни замечательного нашего актера Игоря Владимировича Ильинского. Там есть и слова, посвященные Борису Андреевичу: «Мне теперь скучнее стало на худсоветях, мне скучнее стало на собраниях Малого театра, и не только Малого. Ибо не встает Борис Бабочкин и не начинает громить халтуру, не начинает называть вещи своими именами». Да, конечно, не такой уж, вероятно, у него был покладистый характер, если он говорил про халтуру и неудачу, что это плохо и что это бездарно. Но, черт возьми, как же надоела паточка общих, обтекаемых фраз!

Старые мастера, такие, как Бабочкин, как Астангов, Диккий, Попов, Лобанов, никогда не говорили вообще. Они говорили конкретно. И дело тут не в том, что кого-то надо «уничтожать» или презирать. Просто-напросто в искусстве должно быть ясно — что зерно, а что мякина. А как только начинает все путаться, хлеб нашего искусства получается пресный. Плохой хлеб. Мы печем из всего, что попадет под руку. А надо печь только из зерна, тогда пышные получаются булки.

Таких людей, как Борис Андреевич Бабочкин, нам в искусстве не хватает. Их мощи, крупности, могущества, беспощадности, трезвости, четкости, определенности и в работе, и в деле защиты искусства от разных тлетворных влияний.

Михаил УЛЬЯНОВ.